

А. А. Кротов

МЕТОД ЭКЛЕКТИЗМА В ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ (ФРАНЦУЗСКИЙ СПИРИТУАЛИЗМ)

В статье анализируется учение о методе историко-философского исследования одного из лидеров французского спиритуализма Виктора Кузена. Рассматривается выдвинутая Кузеном типология философских систем, его представления о причинности в истории философии. В работе подчеркиваются как те установки философии Кузена, которые сохраняют свое значение для сегодняшнего дня, так и представляющиеся устаревшими, архаичными. Односторонняя ориентация на психологию не позволяет охватить историко-философский процесс во всем его объеме. Значительные теоретические трудности заключает в себе попытка усматривать в истории философии и прогресс, и фундаментальную неизменность главных ее форм. Библиогр. 11 назв.

Ключевые слова: французская философия, спиритуализм, метод эклектизма, философия, истории философии, Виктор Кузен.

A. A. Krotov

METHOD OF ECLECTICISM IN THE HISTORY OF PHILOSOPHY (FRENCH SPIRITUALISM)

This article analyses the doctrine of the method of research in the history of philosophy suggested by one of the leaders of French spiritualism, Victor Cousin. Cousin's typology of philosophical systems is examined, his ideas of causality in the history of philosophy. In the article are underlined both the principles of Cousin's philosophy that preserve their value up to this day and that we treat now as archaic and outdated. Unilateral orientation on psychology has not satisfactorily covered the history of philosophy without erosion. Serious theoretical difficulties are connected with the attempt to see in the history of philosophy both progress and fundamental immutability of its main forms. Refs 11.

Keywords: French philosophy, spiritualism, method of eclecticism, the philosophy of the history of philosophy, Victor Cousin.

Вопрос о смысле историко-философского процесса сегодня столь же актуален, как и столетия назад. Его различные, наиболее влиятельные решения, предложенные в прошлом, так или иначе составляют своеобразный контекст, с которым соприкасается спектр современных интерпретаций. Идея подвести итог интеллектуального развития человечества, выявив его основные достижения, принимала различные формы в XIX в. Одной из наиболее влиятельных концепций, выдвинутых во французской философской культуре и стремившихся к реализации упомянутой цели, выступил «эклектический спиритуализм». По существу спиритуализм в его различных вариантах, хотя и в противостоянии, прежде всего с позитивизмом, доминировал во французской академической среде около столетия. Его ведущие установки представляют как исторический, так и теоретический интерес, побуждая к размышлениям о закономерностях историко-философского развития, о степени

Кротов Артем Александрович — доктор философских наук, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1; krotov@philos.msu.ru

Krotov Artem A. — PhD, Lomonosov Moscow State University, 1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation; krotov@philos.msu.ru

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2017

применимости в современных условиях тех положений, которые некогда казались столь многим приверженцам эклектизма оправданными и даже несомненными.

Признанным лидером спиритуалистической школы выступил Виктор Кузен (1792–1867). Он родился в семье парижского часовщика, блестяще учился в лицее Карла Великого, затем поступил в Эколь нормаль, по окончании которой был принят в число ее преподавателей. В 1815 г. он занял кафедру истории философии в Сорбонне. В 1820 г. Кузен, чьи убеждения были сочтены руководством не вполне соответствующими роялистским тенденциям эпохи, теряет свое место в Сорбонне. В 1822 г. в связи с закрытием Эколь нормаль он лишается возможности вести преподавательскую деятельность и сосредоточивается на масштабных издательских проектах. Кузен публикует собрания сочинений Прокла (6 томов), Платона (13 томов), Декарта (11 томов). Период, когда у власти оказывается министерство Мартиньяка, связан с восстановлением позиций Кузена в университетской среде. Он возвращается в Сорбонну, где, наряду с Гизо, становится одним из наиболее популярных профессоров. В 30-е годы XIX в. он, сохраняя позиции в Сорбонне, возглавляет воссозданную Эколь нормаль, входит в состав королевского Совета по народному просвещению, становится членом Государственного совета и пэром Франции. В 1840 г. Кузен занимает пост министра народного просвещения. В качестве президента агрегационного жюри он также оказывал существенное влияние на систему высшего образования. Продолжает он и издательскую деятельность, готовит к печати сочинения Абельяра и Мен де Бирана. С 1847 г. Кузен постепенно начинает терять свои административные позиции. Всякое политическое влияние, так же как и место профессора в Сорбонне, он утрачивает после государственного переворота, вследствие которого во Франции устанавливается Вторая империя. Глубочайшая, по меркам эпохи, эрудиция Кузена, его колоссальное административное влияние на академическую среду послужили одним из факторов, напрямую способствовавших существенному повышению уровня историко-философских исследований во Франции, в значительной степени определили их глубину и направленность.

Историко-философские труды Кузена многочисленны. Среди важнейших следует отметить: «Философские фрагменты» (1826, впоследствии неоднократно дополнялись), «Введение в историю философии» (1828), «История философии в XVIII веке» (1829), «Сенсуалистическая философия» (1845), «Шотландская философия» (1845). Своего рода синтезом всех упомянутых работ, их развитием, корректировкой и теоретическим итогом выступила его «Общая история философии» (1863).

Кузен считал историю философии особой исследовательской дисциплиной, выступающей завершением самой философии, ее продолжением и развитием. История человеческой мысли, по его мнению, охватывает все «великие решения» вечных философских проблем, последовательно предложенные наиболее известными представителями человеческого рода. Эти проблемы касаются самопознания, а также постижения Вселенной и ее создателя. Они неизбежно зарождались в уме «первого человека» и будут интересовать последнего.

Приступая к изучению истории философии, замечал прославленный профессор Сорбонны, легко впасть в растерянность и уныние, столкнувшись с множеством разнообразных систем. На первый взгляд они образуют «хаос, подлинный лабиринт», в котором тысячи дорог препятствуют всякой ориентации. Но более

глубокий подход, проникающий дальше внешних деталей, способен обнаружить сущностные характеристики, лежащие в основании систем и позволяющие свести их многообразие к небольшому числу. Ситуация, согласно Кузену, в чем-то аналогична положению дел с растениями, бесчисленное количество которых ботаники сводят к небольшой группе семей. Размышляя о происхождении философских систем, французский мыслитель объявлял, что они порождены человеческим разумом, этой их «общей родиной». «Человеческий разум есть как бы оригинал, более или менее верным, более или менее полным представлением которого является философия. Искать в человеческом разуме корень различных систем — это, следовательно, всего лишь искать следствия в их причине, это извлекать историю философии из ее наиболее достоверного и возвышенного источника» [1, р. 5].

Постоянный в своей природе, разум вновь и вновь воссоздает типичные подходы, главные разновидности философских систем. Поэтому понять историю философии невозможно без изучения природы человеческого разума. Отсюда ключевая роль психологии, выступающей исходным пунктом подлинной философии. Ориентацию на психологические изыскания Кузен считал важнейшей особенностью французской национальной философской традиции.

Психология, этот фундамент философии, может быть создана лишь с помощью рефлексии. Но рефлексия не возникает на пустом месте, она нуждается в данных, в предназначенном к обработке материале. Рефлексии всегда предшествует спонтанное познание, оно выражается в ощущениях, понятиях, верованиях «всякого рода». Определенное мышление уже присуще человеку прежде, чем он начинает применять рефлексию. Спонтанное развитие и рефлексия — две стороны познавательного процесса, одна из которых является «произведением природы», в то время как другая — искусством особого рода, имеющим свои законы, глубину раскрытия, степени совершенства. Если спонтанное познание присуще всем представителям человеческого рода, то на рефлексию опираются в первую очередь деятели ученого мира, философы, стремящиеся проанализировать широко распространенные в обществе идеи. В рефлексии по поводу «естественного знания» заключается сущностная черта философии. Само по себе «естественное знание» — весьма сложный по составу конгломерат элементов, несколько смутный, вызванный к жизни совокупными усилиями различных способностей, включая волю, память, ощущение, воображение и пр. «Рефлексия по отношению к сознанию — то же, что и микроскоп для простого зрения. Микроскоп не создает и не изменяет объекты; но последовательно изучая их со всех сторон, он проникает в их глубины» [1, р. 8].

Основной инструмент рефлексии — анализ, применяемый к многообразным данным сознания. Представленный в сознании синтез элементов, довольно смутный и неопределенный, надлежит подвергнуть исследованию, разложению, распределению по четким рубрикам и основаниям. Итогом должен стать синтез второго порядка, структурирующий данные в ясной, определенной, законченной последовательности. Главная опасность, подстерегающая исследователя, состоит в том, что он легко может принять часть за целое, один из этапов аналитической процедуры за полный, исчерпывающий цикл. Отсюда — неполная психология, сопровождаемая ограниченной, скрывающей изрядные пробелы метафизикой.

Так или иначе, именно рефлексия порождает четыре типа систем, которые в совокупности охватывают всю историю философии. Сенсуализм, идеализм, скеп-

тицизм и мистицизм в их взаимодействии и последовательной смене заключают, согласно Кузену, все ее содержание.

С аналитической точки зрения рефлексия прежде всего концентрируется на ощущениях. Будучи еще слабой, неразвитой, она обращается к тому, что кажется более ярким, менее всего зависящим от субъекта. Ощущения воспринимаются как надежные, точные и вместе с тем легкодоступные данные, лежащие в основании познания. Таким образом, возникает сенсуализм — система, признающая только опору на чувственный опыт, хотя следовало бы отвести ему важный, но ограниченный участок познавательной сферы. Постепенно рефлексия расширяет круг охватываемых ею феноменов. Подвергаются внимательному анализу единство и тождество человеческого «я», свобода воли и др. Идеализм, в противоположность сенсуализму, ищет опору в самой мысли. Акцент делается на данных, существенно отличных от ощущаемых феноменов, роль которых несправедливо приуменьшается, иной раз и вовсе отрицается. В действительности же феномены обоих типов сосуществуют в сознании, поскольку рассудок развивается вместе с чувствительностью. Правильно констатируя реальные отличия между группами феноменов сознания, идеализм впадает в крайности, приписывая врожденный характер отдельным понятиям, помещая их в особый мир, произвольный и гипотетический в своей абстрактности.

Сенсуализм и идеализм Кузен рассматривает как две формы догматизма, одна из которых ведет к материализму и утверждает высший авторитет чувственного опыта, другая же настаивает на приоритете разума и провозглашает идеи мерилом истины. В сущности, доля истины присутствует на стороне обоих подходов, но ни один из них не охватывает ее в полной мере, исчерпывающим образом. Столкновение догматических подходов побуждает рефлексию к дальнейшему движению, итогом которого оказывается скептицизм. «Скептицизм есть первая форма, первое появление здравого смысла на философской сцене» [1, р. 18]. Он легко обнаруживает уязвимые места в догматических системах. Но и он носит крайне односторонний характер. Обнаруживая ошибки и неточности своих оппонентов, скептицизм объявляет их системы целиком состоящими из заблуждений, а достоверное знание — недостижимым для человека. Тем самым скептицизм впадает в противоречие: он утверждает как очевидное именно отсутствие очевидности. Соответственно, скептицизм оборачивается догматизмом третьего типа, даже более экстравагантным, чем отвергаемые им подходы.

Остается непройденным последний путь, по которому и устремляется рефлексия, обнаруживая в сознании элементы, ранее не представлявшие для нее приоритетными. Рефлексия обращается к сфере спонтанности, где рождаются смутные верования, определяющие жизнь огромного числа людей. Спонтанная интуиция предшествует всякой рефлексии, расчленениям, подразделениям, анализу, а потому она мистична, смутна, расплывчата. Опора на нее в области философии ведет к мистицизму, системе четвертого типа. Мистицизм обращается к сфере, в которой человечество находит для себя важные истины, но при этом он стремится избегать, насколько возможно, активного действия. Мистицизм склоняется к квиетизму, погружаясь в созерцательную внутреннюю жизнь, все более отдаляясь от мира внешнего, научного познания и даже добродетели.

Кузен настаивал на том, что всякая великая философская эпоха с необходимостью начиналась с противостояния двух догматических позиций (сенсуализма и идеализма), скептицизм появился значительно позднее и лишь вследствие их полемики, в то время как мистицизм — самая поздняя система, своего рода выражение разочарования в возможностях рационального познания.

Каждая из систем, по Кузену, несет несомненную пользу человечеству, имеет свои бесспорные заслуги. Причем эта польза равноценна; если вычеркнуть из истории хотя бы одну ведущую систему, под вопросом окажется вся философия как таковая. «Вот почему я хочу ограничить сенсуализм, я не желаю его разрушать. Так как разрушить его — это удалить систему, которая одна может вдохновлять и питать пылкий вкус к физическим исследованиям» [1, р. 26]. Исчезновение идеализма привело бы, по мысли Кузена, к «смертельному удару», который получило бы «чувство достоинства человеческой природы». Идеализм успешно сдерживает чрезмерные притязания сенсуализма. «Если вы не желаете, чтобы философия вскоре свелась к фатализму, материализму и атеизму, воздерживайтесь от отбрасывания идеализма; так как именно он ведет войну против этих трех ужасных последствий сенсуализма» [1, р. 27]. Скептицизм необходим человечеству как средство борьбы с догматизмом, свойственный ему критический пафос весьма способствует отделению плодотворных идей от бесполезных. Мистицизм не менее важен, ибо защищает законные права вдохновения, тех порывов, которые свойственны подлинному энтузиазму. Само историческое существование четырех систем, по Кузену, свидетельствует о наличии некоторого основания для их бытия, доказывает их, пусть и частичную, истинность. Поэтому историк философии обязан уделить им равное внимание, составить тщательную опись их идей, достижений и заблуждений.

«Наполовину истинные, наполовину ложные, эти системы вновь появляются во все великие эпохи. Время не в силах уничтожить ни одну, ни породить новую, потому что время развивает и улучшает человеческий разум, но не меняет его природу и его фундаментальные склонности. Оно, следовательно, не делает ничего иного, кроме умножения и варьирования почти до бесконечности комбинаций четырех простых и элементарных систем» [1, р. 28–29].

В ходе истории последовательно осуществляются обогащение, усложнение, расширение в плане аргументации остающихся неизменными в своих мировоззренческих основаниях четырех типов систем. В этом смысле Кузен говорил о прогрессивном движении философии. История философии «показывает нам философию, т.е. четыре системы, которые ее представляют сперва слабыми, бедными наблюдениями и аргументами, потом обогащающимися и усиливающимися на их пути и все более и более увеличивающими познание всех элементов, всех точек зрения человеческого ума» [1, р. 29]. Будучи «философией в действии», история философии демонстрирует непрерывный прогресс, приращение знаний.

Практически на протяжении всей своей творческой деятельности Кузен не уставал направлять усилия к примирению, объединению учений прошлого. В выработке общих принципов, позволяющих достичь указанной цели, он видел важную задачу своей эпохи. Ссылаясь на Лейбница, он подчеркивал важность идеи «вечной философии», по отношению к которой великие системы выступали бы отдельными частями. Методом, «искусством» распознавать, обнаруживать истину в различных системах, с точки зрения Кузена, как раз и должен выступать эклектизм. По его

мнению, «эkleктизм вовсе не что-то вроде сомнительного равновесия между всеми системами» [2, р. V]. Эkleктизм выражается подходом, позволяющим найти опору в надежных критериях, не имеющих ничего общего с расплывчатыми, неопределенными, непоследовательными утверждениями. Истинный эkleктизм, по Кузену, отнюдь не пытается связать разнородные, несоединимые элементы в противоречивом синтезе. Главным образом потому, что опирается на надежную теоретическую основу. Критерием отбора истинных идей Кузену признается позиция спиритуализма. Поэтому подлинный эkleктизм — спиритуалистический. «Наше истинное учение, наше подлинное знамя — спиритуализм, философия столь же основательная, как и благородная, которая начинается с Сократа и Платона, которую распространило в мире Евангелие, которую Декарт заключил в строгие формы новейшего гения» [3, р. III]. Спиритуализм рассматривался Кузену как позиция, подчиняющая чувства разуму, признающая бестелесную сущность души, свободу воли, моральный долг, бытие Бога. Метод эkleктизма, с одной стороны, предполагает, что отбор элементов, принимаемых в качестве истинных, проходит на основе установок спиритуализма. С другой стороны, как раз спиритуализм заключает в себе все лучшее, что было достигнуто мировой философией в ее развитии.

Особенно настойчиво Кузен утверждал отсутствие глубоких противоречий между философией и религией, а также пагубность конфронтации между ними. «Вы это видели: нигде религия не могла упразднить философию, ни философия вытеснить религию, поскольку обе покоятся на различных потребностях, одинаково священных, в равной мере нерушимых» [1, р. 567]. Выполняя различные функции, философия и религия должны занимать свойственное только им место в общественной жизни, не нарушая отведенных им границ. В то время как философия обращается лишь к разуму человека, религия охватывает и сердце, и воображение, и чувства. Религия говорит со всеми, философия — с меньшинством, с элитой человечества.

Кузен протестовал против расширительного истолкования предметного поля философии: «Это серьезная ошибка — смешивать историю философии с историей человеческого ума и человечества. Действительно, вовсе не все мысли являются философскими мыслями» [4, р. 275].

Резюмируя свое видение историко-философского процесса, он заявлял: «Философия, следовательно, вовсе не блуждает наугад; со своим определенным прогрессом, она имеет свое равномерное развитие и, как говорит Вико о человеческом обществе, свои неизменные круги и периодические возвраты: она беспрестанно продвигается вперед и на тех же путях» [1, р. 570]. История философии в его понимании является точной наукой, поскольку подчинена неизменным законам.

В философии Кузена спиритуализм предстает отнюдь не новым, пятым типом системы. Он «по умолчанию» трактуется как своего рода экстракт, квинтэссенция всех возможных философских подходов. Поэтому на его основе как раз и планируется всеохватывающий синтез, примирение и объединение всех достижений философской культуры прошлого. Но как понимать это будущее философии? С одной стороны, по Кузену, ограниченность, неполнота, недочеты каждой из четырех типов систем становятся очевидны для мыслящей элиты XIX в. С другой стороны, он не устает повторять, что неизменная природа человеческого разума, несмотря ни на что, будет непременно воспроизводить определенные типы систем. Но возмож-

но ли защищать систему, осознавая ее недостаточность? По-видимому, Кузен считал, что революционный во многих отношениях XIX в. изменит порядок существования главных типов систем: отныне они должны не пребывать изолированно друг от друга, но свои главные и наиболее ценные тенденции развивать в лоне эклектического спиритуализма, наиболее адекватной формы для «вечной философии».

Последователи и продолжатели Кузена весьма высоко оценивали его философскую деятельность как в целом, так и в частностях. К примеру, Жан-Филибер Дамирон с восторгом заявлял, что преподавательская манера Кузена отличалась поэтическим очарованием, эрудицией, положительными теориями, казалось, будто он придавал жизнь самой истине, излагая ее [5, p. 152]. В сходном ключе высказывается и Адольф Франк: «На всем пройденном им пути он оставил живую ясность, ясность мысли, ставшую видимой через блеск языка; и сколь долго будет существовать философия, он будет оставаться одним из выдающихся ее представителей, так же как сколь долго будет существовать французский язык, он будет оставаться одним из наших самых красноречивых писателей» [6, p. 314]. В свою очередь Поль Жане констатировал, что наименее оспариваемой заслугой Виктора Кузена является следующая: «быть во Франции создателем и организатором истории философии» [7, p. 347].

Вместе с тем приверженцы позитивизма постоянно стремились подорвать авторитет эклектического спиритуализма жесткой, язвительной, ироничной критикой. Ипполит Тэн, не колеблясь, выносит претендующий на окончательность приговор: «Такова философия Кузена. Ораторская потребность проповедовать мораль в ней объясняет все: выбор учений, недостаток изобретательности и слабость доказательств» [8, p. 95].

В XX столетии мы встречаем сдержанные, чаще всего критические оценки. В частности, у Марсиала Геру — одного из тех историков философии, которые не слишком высоко ставили достижения лидера эклектического спиритуализма: «...метод Кузена приводит, следовательно, к полному разрушению особенного в истории, как и в психологии, т. е. к уничтожению свойственных им богатств» [9, p. 735]. Ирина Блауберг вполне обоснованно подчеркивает как действительные заслуги, достижения Кузена, так и недостатки его концептуального подхода: «Идеи, почерпнутые из разных теоретических источников, нередко сосуществовали в его учении без особой связи друг с другом, не сочетаясь в единое целое. И все же его роль во французской культуре XIX в. оказалась очень значительной. Именно Кузен, как мы видели, стал посредником в философских контактах между Францией и Германией в ту пору, когда эти контакты были еще очень стихийными, спорадическими» [10, p. 115]; «На самом деле Кузен довольно многое вынес из знакомства с воззрениями немецких мыслителей. Он активно пропагандировал во Франции их идеи. Постепенно влияние немецкого идеализма стало все больше сказываться на курсах лекций, которые Кузен читал в Сорбонне» [11, p. 156].

Очевидно, целый ряд установок философии Виктора Кузена сохраняет свое значение и для сегодняшнего дня, даже если в ряде случаев они характерны не только для его подхода, выдвигались и другими мыслителями прошлого. Конечно, стремление распутать хаос зачастую противоречащих друг другу учений, найти скрытую пружину историко-философского процесса, обнаружить его внутреннюю логику продолжает импонировать историкам философии, вдохновлять их деятель-

ность. Идея составить опись, реестр достижений и заблуждений выдающихся мыслителей и сегодня многим представляется плодотворной. Против неоправданно широкого истолкования поля философских исследований высказываются и сегодня представители самых разных направлений. Установка на выявление необходимости в самом возникновении философских подходов далеко не утратила своей теоретической привлекательности. Сам пафос исследования, которым вдохновлялся Кузен, его желание увидеть за подвижностью форм неизменные типы мысли еще не может считаться окончательно списанным со счетов в плане будущего развития философского знания.

Вместе с тем сложно отрицать существенную уязвимость позиции эклектического спиритуализма, которая вряд ли позволяет ей в действительности претендовать на статус итоговой формы философии. Провидимая Кузеном причинная связь между главными типами систем и сформулированными им сущностными чертами природы человеческого разума выглядит сегодня довольно архаично, отчасти наивно, сильно упрощающей подлинное положение дел. Сам синтез, являющийся своеобразной целью эклектического метода, представляется скорее не истинным итогом, но выражением стремления положить искусственный предел развитию, законсервировать его. Односторонняя ориентация на психологию не позволяет охватить историко-философский процесс во всем его объеме. Значительные теоретические трудности заключает в себе попытка усматривать в истории философии и прогресс, и фундаментальную неизменность главных ее форм.

Литература

1. Cousin V. *Histoire générale de la philosophie*. Paris: Didier, 1867. 578 p.
2. Cousin V. *Fragments de philosophie cartésienne*. Paris: Charpentier, 1845. 470 p.
3. Cousin V. *Du vrai, du beau et du bien*. Paris: Emile Perrin, 1884. 496 p.
4. Cousin V. *Oeuvres*. T. 2. Bruxelles: Société belge de librairie, 1841. 560 p.
5. Damiron Ph. *Essai sur l'histoire de la philosophie en France au XIX siècle*. T. 2. Paris: Hachette, 1834. 408 p.
6. Franck A. Cousin // *Dictionnaire des sciences philosophiques / sous la dir. de Ad. Franck*. Paris: Hachette, 1875. P. 309–314.
7. Janet P. *Victor Cousin et son oeuvre*. Paris: Calmann Lévy, 1885. 485 p.
8. Тэн И. *Французская философия первой половины XIX века*. СПб.: Типография М. Меркушева, 1896. 220 с.
9. Gueroult M. *Dianoématique*. Livre I: *Histoire de l'histoire de la philosophie*, vol. 3. Paris: Aubier, 1988. 1088 p.
10. Блауберг И. И. Философские путешествия Виктора Кузена (к истории рецепции идей немецкой философии во Франции в XIX в.) // *Философские науки*. 2013. № 11. С. 104–118.
11. Блауберг И. И. Встречи на «тропе философов» (к вопросу о франко-германских философских контактах в XIX в.) // *Вопросы философии*. 2013. № 8. С. 155–165.

Для цитирования: Кротов А. А. Метод эклектизма в истории философии (французский спиритуализм) // *Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология*. 2017. Т. 33. Вып. 1. С. 31–39. DOI: 10.21638/11701/spbu17.2017.104.

References

1. Cousin V. *Histoire générale de la philosophie*. Paris, Didier Publ., 1867. 578 p.
2. Cousin V. *Fragments de philosophie cartésienne*. Paris, Charpentier Publ., 1845. 470 p.
3. Cousin V. *Du vrai, du beau et du bien*. Paris, Emile Perrin Publ., 1884. 496 p.
4. Cousin V. *Oeuvres*, t. 2. Bruxelles, Société belge de librairie Publ., 1841. 560 p.

5. Damiron Ph. *Essai sur l'histoire de la philosophie en France au XIX siècle*, vol. 2, Paris, Hachette Publ., 1834. 408 p.
6. Franck A. Cousin. *Dictionnaire des sciences philosophiques*, sous la dir. de Ad. Franck. Paris, Hachette Publ., 1875, pp. 309–314.
7. Janet P. *Victor Cousin et son oeuvre*. Paris, Calmann Lévy Publ., 1885. 485 p.
8. Taine H. *Frantsuzskaia filosofiia pervoi poloviny XIX veka* [*French philosophy of the first half of the 19th century*]. St. Petersburg, Tipografiya M. Merkusheva, 1896. 220 p. (In Russian)
9. Gueroult M. *Dianoématique. Livre I. Histoire de l'histoire de la philosophie*, vol. 3. Paris, Aubier Publ., 1988. 1088 p.
10. Blauberg I.I. Filosofskie puteshestviia Viktora Kuzena (k istorii retseptsii idei nemetskoi filosofii vo Frantsii v XIX v.) [Victor Cousin's Philosophical Travels (on the History of the Reception of German Philosophers Ideas in France of the 19th century)]. *Filosofskie nauki*, 2013, no. 11, pp. 104–118. (In Russian)
11. Blauberg I.I. Vstrechi na "trope filosofov" (k voprosu o franko-germanskikh filosofskikh kontaktakh v XIX v.) [Meetings on the "Path of Philosophers" (to the Question of Franco-German Philosophical Contacts in the 19th century)]. *Voprosy Filosofii*, 2013, no. 8, pp. 155–165. (In Russian).

For citation: Krotov A. A. Method of eclecticism in the history of philosophy (French spiritualism). *Vestnik SPbSU. Philosophy and Conflict Studies*, 2017, vol. 33, issue 1, pp. 31–39. DOI: 10.21638/11701/spbu17.2017.104.

Статья поступила в редакцию 4 августа 2016 г.
Статья рекомендована в печать 28 октября 2016 г.